

Глава 1

Утро выдалось невеселое. Огромные тучи, затянувшие небо за последние часы, казалось, вот-вот взорвутся. Воздух был таким влажным, что волосы у меня висели сосульками. И вдруг, ни с того ни с сего, я очень живо представила себе, какое отвратительное впечатление должна производить на окружающих: сорокалетняя женщина, которая начинает свой новый рабочий день, не сохранив в памяти ничего существенного ото дня минувшего. Я вздохнула. Почему, интересно знать, именно сейчас меня так озаботило, как я выгляжу в чужих глазах? Обычно я не особенно задумываюсь о таких вещах, ведь это всегда быстро надоедает и к тому же портит настроение. По сути, все мы представляем собой весьма переменчивую смесь из того, какие мы есть в действительности и какими нам хотелось бы быть. Человек — нечто среднее, образованное из состояния души и состояния тела, генетики и реальной биографии, эмоциональной сферы и, если угодно, питания. Никогда не будут похожи друг на друга швед,

завтракающий бутербродами, и валенсиец, обожающий паэлью. Ничего общего не имеют между собой взгляд многоопытной женщины и взгляд девчонки, у которой еще молоко на губах не обсохло. И никогда не совпадут характеры гипотетической дочери Мэй Уэст и дочери — еще более гипотетической — матери Терезы.

Очень скоро эти мысли начали меня раздражать. Ну ладно, если уж в приступе меланхолии, связанной, возможно, всего лишь с погодой, мне приспичило пофилософствовать, почему было не выбрать тему, более достойную умственных усилий? Я всегда считала себя женщиной неглупой, мало того, меня в должной мере волновали судьбы рода человеческого, так какого же черта теперь я зациклилась на такой ерунде? Однако в то утро никакие разумные доводы на меня не действовали. По моим мозговым извилинам носился, безостановочно наверчивая круги, всего один болид: сейчас меня волновало исключительно то, что другие люди могут составить обо мне весьма убогое впечатление.

И лишь позже, по прошествии времени, я поняла, что это было знаком и предостережением. Лишь тогда мне с бесспорной очевидностью открылась связь событий, и меня охватило бешеное желание кричать на каждом углу, что обо всем, чему суждено было случиться, я загодя была предупреждена. Но для женщины нет ничего более бессмысленного, чем претендовать на роль Кассандры. Окружающие привыкли, что мы любим предсказывать неприятности, им до тошноты скучно выслушивать наши пророчества, а потом сопоставлять их с тем, что про-

изошло на самом деле. Не могу не признать: очень утомительно вечно ждать от будущего одни только несчастья. И еще: предчувствия не имеют под собой никакой научной основы, поэтому, вероятно, по-настоящему серьезных трудов в их защиту написано маловато. При всем при том наш жизненный опыт учит, что они нередко сбываются. Как иначе объяснить, что направление, которое приняли мои мысли тем хмурым утром, вскоре получило отражение в очень необычном расследовании? А точнее, в деле об убийстве, где первостепенную роль играли внешний образ человека, его вид, влияние на окружающих и мнение о нем публики. В деле об убийстве, которое подняло больше пыли, чем караван берберов в пустыне.

Фермин Гарсон довольно бесцеремонно прервал мои размышления. Он вошел в кабинет и, увидев, что я стою у окна и смотрю на улицу, издал звук, который мог означать что угодно. Мы уже какое-то время не работали вместе, но он частенько находил повод заскочить ко мне, чтобы, скажем, порыться в папках со старыми материалами. Пользуясь случаем, мы болтали о всякой всячине, а иногда пили вместе кофе. Как я уже сказала, в тот день с самого утра погода была унылой и хмурой, из-за чего люди ходили раздраженные и мрачные. Заметив, что и мой коллега тоже стал жертвой ненастья, я решила поправить положение, пустив в ход ласку:

- Как у вас сегодня дела, Фермин?
- Ужасно, — пробурчал он. — Голова болит.
- А вы пробовали принять аналгин?
- Пробовал, — огрызнулся он.

— Ну и?..

— Если я говорю, что у меня болит голова, значит, лекарство не подействовало, разве не понятно?

Иными словами, настроение его было не просто пасмурным, нет, судя по всему, пора было объявлять штормовое предупреждение. Между тем мне надое-ло даром растрачивать свою вежливость, и я перешла в атаку:

— А трепанация черепа? Вдруг поможет?

Он резко захлопнул ящик, в котором рылся, и повернулся ко мне:

— Очень вы остроумны, инспектор. Скажу больше, за все время нашего знакомства я не слышал от вас ничего смешнее. Хотя, думаю, вам будет небезын-тересно узнать, что поводов для шуток у нас с вами не так уж и много.

— Правда? Это почему же?

— К нам рикошетом отскочило одно дельце.

— Что?

— Что слышали. Ровно через час комиссар Коронас ждет нас у себя в кабинете — решил устроить совеща-ние. Но слухи тут у нас распространяются со ско-ростью лесного пожара, так что я уже знаю, о чем пойдет речь.

— О дельце, отскочившем к нам рикошетом.

— Вот именно.

— Ну и откуда же оно к нам отскочило?

— От инспектора Молинера и его помощника младшего инспектора Родригеса.

Я присвистнула. Всем было хорошо известно, что Молинер и Родригес занимались самыми запу-танными и щекотливыми преступлениями, теми, где

надо проявлять тонкую дипломатию, а в еще большей степени — осторожность. Иными словами, им обычно поручалось расследование любых дел, которые имели громкий общественный резонанс и могли заинтересовать прессу.

— И почему же у них дело забрали? Что у нас говорят по этому поводу?

— Молинер с Родригесом понадобились для другого расследования. Для такого, о котором, насколько можно догадаться, говорить вообще запрещено.

— Но ведь запрет, как правило, только подогревает желание посудачить.

— Еще бы! Так вот, по слухам, нашли тело девушки — девушки, скажем так, не из простых, и имеются серьезные подозрения, что она была любовницей одного важного лица.

— Черт!

— Понятно, что дело сразу поручили Молинеру с Родригесом, а то, которым они занимались, скидывают нам с вами вроде как по наследству.

— Но, надо думать, оно тоже не из рядовых, если сначала его вели эти наши “звезды”. Так о чем все-таки речь?

— Не знаю.

— С ума сойти! Что же получается? Вы не знаете именно того, что вам, как ни крути, знать должно быть позволительно.

— Шептунов мало интересуется то, что не таит в себе никаких загадок.

— И сколько времени Молинер с Родригесом занимались “нашим” делом?

— Всего пару дней.